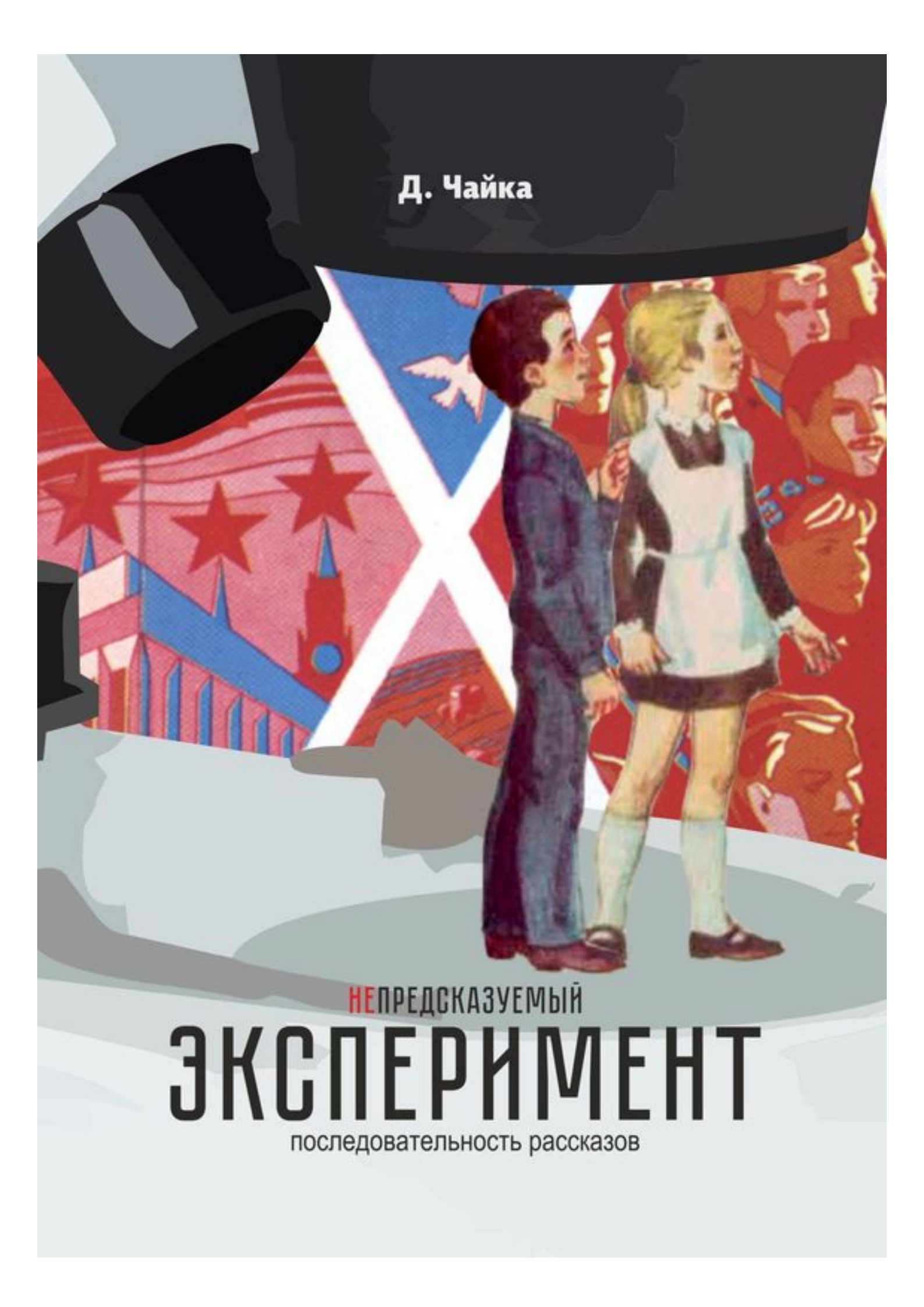

Д. Чайка

НЕПРЕДСКАЗУЕМЫЙ
ЭКСПЕРИМЕНТ
последовательность рассказов

Дмитрий Чайка

**(не) предсказуемый эксперимент.
последовательность рассказов**

«Издательские решения»

Чайка Д.

(не) предсказуемый эксперимент. последовательность рассказов /
Д. Чайка — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-457-97490-6

Вы в детстве играли в пиратов, принцесс? Или, может, мечтали построить корабль и слетать на нём к Марсу? Вы только мечтали? А может, ребёнком вы были на Марсе, вели через шторм свою шхуну, а замок при вашем правлении был просто сказочно мил? Вы забыли, что в детстве мечты исполнимы?

ISBN 978-5-457-97490-6

© Чайка Д.
© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия	6
Война для начала	8
Воспоминание первое: Война и манёвры	9
Воспоминание второе: Отрезок Маннергейма	10
Воспоминание третье: Ломать и строить	12
Воспоминание четвертое: Доктор по имени Рина	13
Воспоминание пятое: Противобронепоездный бронепоезд	14
Воспоминание шестое: Последняя битва первой войны	16
Воспоминание седьмое: Мы снова будем тут!	17
Воспоминание единственное: Артек	18
Первый «виток»	19
Станционный почтмейстер	26
Финал под it's the final	30
Конец ознакомительного фрагмента.	38

(не) предсказуемый эксперимент последовательность рассказов

Дмитрий Чайка

Боже, как давно это было!

© Дмитрий Чайка, 2016

© Яков Бояршинов, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Что будет, если детям позволить самим строить свой мир и писать его правила? Будут ли они гордиться теми же достижениями? Совершать те же ошибки? Строить и водить свою технику так же как мы?

Ответа не знает никто, ведь никто не пытался спросить у детей. Да и были ли мы, пионеры 80-х, ровесники Электроника и Гости из будущего? Те кто рвались строить будущий мир, покорять дальний космос? Возможно и нет... Только мы это помним.

Вместо предисловия

Место для шага вперёд

– Юрий Владимирович, ты уверен в безопасности детей?

Андропов кивнул:

– Абсолютно. Если экспериментатору не пытаться записать знания и воспоминания другого, то побочных эффектов нет.

Генеральный задумался.

Шёл 1977 год. Казалось, страна на подъёме: в космосе «Салют-5», на Северном полюсе побывала «Арктика», на конвейер встала новая модель ВАЗа – «Нива»... Но в Политбюро знали и про другое. Про то что даже в «золотую» косыгинскую пятилетку на импорт зерна уходили десятки тонн золота и что теперь с каждым годом всё больше. Мобилизационно-плановый тип экономики, прекрасно помогший в эпоху Больших Потрясений, в мирное время работал не так хорошо: одна или две Стройки Века аukaлись целой горой «дolgостроев», твой город мог быть «образцовым», а мог быть и тем, из каких в «образцовые» ездили за колбасой...

Пришло время взять новый курс. Генеральный однажды в сердцах пошутил, мол, Советский Союз – это словно тягач и пятнадцать прицепов. Любой поворот его должен быть плавным, заранее тщательно подготовленным зная куда поворачивать, как и зачем. «Молодёжь, – сказал он, – я боюсь, повернёт слишком резко, при этом страну разорвёт на клочки... к-хм... Зачем поворачивать, всем тут понятно. Как – не нас кому-то учить. Вопрос только куда.»

К попыткам сочинить новый, более удачный строй уже не первый год привлекались лучшие в Союзе умы, однако в короткие сроки всё дело свелось к противостоянию нескольких «школ», которые занялись «перетягиванием одеяла». Нужны были свежие головы. Но и студенты, и кандидаты, и многие доктора наук страшно боялись пойти против «школ»: даже когда главные «школьники» утверждают полную чушь, замечать это – значит идти против Истины. А тебе ещё с ними работать... или работать на стройке за то, что «профессор не прав». На этом бы всё и заглохло, однако...

Была в Союзе одна технология. В одном «почтовом ящике» научились записывать память – живую память живого человеческого мозга. Но, как ни бились, прочесть – то есть расшифровать – воспоминания не могли. При попытке «вписать» их другому выяснилось, что человек, получивший чужие воспоминания, не только не помнит их, но тотчас теряет свои, и вернуть ему то что он знал очень трудно. Даже стиранием памяти. Контрразведка мгновенно «остыла» к ней, но направление было признано перспективным, и исследования продолжались. Вскоре память человека уже уверенно записывали, «стирали» «оригинал», а потом, убедившись, что тот ничего не помнит, писали обратно.

Узнав о технологии, организаторы ликовали: «светлыми головами» будут молодые учёные – слишком молодые для отстаивания чужих идей. Собрать их в каком-то НИИ, собрать самые смелые идеи... а потом «размагнитить» им память. И – всё: дальше пускай примыкают хоть к «школам», хоть к группам продлённого дня! Собрали учёных, те стали писать, разговаривать... НИИчего нового! Кто рискнёт предложить что-то новое, да без оглядки на «школы»? Со школьной скамьи мы привыкли подстраивать наши ответы под мнение преподавателя: скажешь не то – и «родителей в школу».

Дело зашло бы в тупик, но прокралась идея: пусть «светлые головы» будут детьми! Ведь ребёнок не знает решённых задач; прирождённый новатор, готовый исследовать что

только можно, он сразу берётся решить все задачи, не делит их на фундаментальные и на рутину. Он с ходу готов создавать звездолёт, ибо тот для него не сложнее пылесоса!

Так и возник этот эксперимент: на лето оставить без взрослых – однако с присмотром – немалую группу детей – и смотреть, наблюдать.

Выделили место – громадную территорию с ракетными шахтами (к тому что она охраняется, люди уже попривыкли), охрану и деньги. В атмосфере строжайшей секретности набрали штат наблюдателей – все как один молодые учёные с «красными дипломами» – и подобрали детей. Отбирали детей крепких партийцев по принципу представительности: как на той плоскодонке, «каждой твари по паре». Когда всё было готово, родителям «избранных» сказали, что дети их проведут каникулы в Очень Крутом Пионерлагере.

Отправить ребёнка в хороший пионерлагерь было престижно. Этого добивались, поездкой туда награждали... Детей отпускали охотно и с радостью. Родителям тех кто попал в эксперимент надолго секретно поведали, что дети отобраны в эксперимент: как на учёбе и прочих способностях отразится отдых исключительно в лучших местах. Люди не верили этому счастью!

Параллельно рядом с полигоном возводили и техтерриторию – смесь ОГМ с опытным производством. Для безопасности ребят (а заодно и для экономии) в эксперименте ввели тогда правило: извне, от технарей, ребята получают любую технику, принцип действия которой смогут объяснить. Желательна схема, высший пилотаж – чертёж. Не всё делалось на техтерритории: отливки заказывали меткомбинатам, моторы – заводам, но львиную долю делали там.

Ильич на мгновение по-стариковски расчувствовался, вспомнив о внуках, представив их «в поле», без взрослых. Идея использовать в эксперименте детей была дикой, однако генсек скрепя сердце кивнул: для страны это было единственным шансом:

– Когда наш эксперимент заработает?

– С постоянным составом – через два года, – ответил Андропов, – В летние каникулы 1979-го.

Война для начала

Я буду помнить...

Каждый ребёнок мечтает хотя б на денёк оторваться от взрослых, от их надоедливых правоучений, от «время обедать» как раз посредине игры, или «спать», когда спать тебе вовсе не хочется... Нас отобрали в эксперимент: дали волю, всё лето без взрослых! Они нам привозят еду, инструменты... да всё что попросим, нам стоит достаточно точно им всё объяснить, и готово!

Родители если б узнали, то не отпустили бы точно, поэтому организаторы им говорили, что всё это лето мы будем в Артеке. И если я не проболтаюсь родителям, может, возьмут меня снова сюда?

Я, конечно, не помню всего: миллион впечатлений, одно затмевает другое, но самое яркое – помню.

Воспоминание первое: Война и манёвры

Я не знаю как началась эта война. Как-то сама собой, как игра началась и никак не кончается. Это обидно, ведь нам дали всё, ну чего не жилось-то нам мирно, стихов не писалось, не строилось? Мы ведь могли мастерить, в телескопы смотреть... Но – дерёмся.

Конечно, войну мы ведём по всем правилам военного благородства: девочки неприкосновенны, те кто в палатках с красным крестом или на руках санитарок – тоже. При этом никто в лазарете не прячется. Тот кто сдаётся на милость победителя не хитрит а сдаётся, и милость победителя ему обеспечена.

Почему я оказался на нашей стороне? Просто оказался бы на другой – называл бы «нашей» «ту» сторону. И от этого ничего бы не изменилось.

Надо сказать, что солдат из меня никудышный. Мне на войне вообще грош цена: не силен, не вынослив и драться совсем не умею. Ни разу не дрался. Какой во мне толк: само-стрел починить или пушку (снаряд разгоняет пружина, ведь как делать порох – не знаем) могу, а сражаться – увы.

Но чинить у меня получается. Не изготавливать, а именно чинить: я как-то сразу вижу, как это работает.

Как-то ко мне подошёл командир, говорит:

– Есть работа: построить в тылу линию укреплений. Войнушка идёт с переменным успехом, и, может, придётся всерьёз отступить. Тогда врага остановит только «линия Маннергейма». На фронте без тебя труднее не будет... в смысле без вас... в смысле не обижайся, я хотел сказать, что от строителей тоже на войне польза. Если вы не остановите их на вашей «линии Маннергейма», то хана. Придётся отступить – будем водить их сколько сможем. Выведем на вас, и дальше вам отдуваться. Нас будет просьба не кантовать.

Воспоминание второе: Отрезок Маннергейма

Прежде чем строить, мы собрались всё обдумать. Понятно, что либо мы сможем построить короткую крепкую линию, либо пародию на оборону по всей ширине территории.

Был среди нас один мальчик, «ботаник», блестящий знаток математики. Он рассказал, что читал про Сунь Цзы. Этот древний мыслитель сказал, что война есть искусство обмана. Смысл вот в чём: если ты можешь что-нибудь, показывай противнику, будто не можешь; если ты пользуешься чем-нибудь, показывай ему, будто не пользуешься; будучи близко, показывай, что ты далеко; когда далеко – что ты близко и так далее. Как носорог: его складки на коже создают впечатление крепкой брони, их даже рисуют в мультфильмах с заклёпками. Но брони носорог не имеет.

Врага мы должны обмануть, только как? Если только на вид неприступные стены построить возможно, то как показать врагу слабость? Ведь он не дурак, он увидит, что тут его остановили, и двинет в обход! Это было задачей. Посыпались мысли, идеи, которые тихо сложились в моей голове в удивительно стройную схему. Как оказалось, когда я начинаю строить, то тоже сразу вижу как всё должно быть.

Предстояло немало работы, ведь наш укреплённый рубеж должен был содержать батареи, зарытые в землю «по шляпку»; канавы, прикрытые дёрном; ходы сообщения; тросики для отпираания крышек канав, провода к телефонам и лампам... Плюс к этому четыре «видимых» объекта: «фотоаппарат», ДОТ с раструбом-амбразурой; чуть в тыл ему башня под два орудия, «купол» с круговым обстрелом и танк.

О последнем особо: танк предназначен стрелять из окопов с кирпичными стенками, переезжая по необходимости из одного в другой. Верхний ряд кирпичей выступает вовнутрь, и заехавший танк получается башней, торчащей из камня. В кладке замаскированы люки, через которые можно грузить в танк боеприпасы, а в долгом бою – заменить экипаж: все стоянки соединены подземными ходами между собой и с другими объектами.

Мы принялись за работу, спланировав так чтобы каждая очередь стройки могла быть финальной, а каждая следующая дополняла её. Так мы надеялись быть готовыми к обороне даже если противник застигнет нас в самом разгаре строительства.

Как-то под утро пришёл командир:

– Как у вас продвигается стройка?

– У нас всё готово.

Он был удивлён, но, подумав, сказал:

– Я вам верю.

Противник теснил наших прямо сквозь линию, лишь ненадолго он был остановлен прикрытыми дёрном канавами. Перед собой он увидел совсем не готовый рубеж: на ещё не замаскированном «куполе» спешно вешали люк, в башне наспех законопачивали «дыру» под второе орудие, «фотоаппарат» был ещё не засыпан землёй и с известным противнику сектором обстрела грозил оказаться статистом...

Как мы и задумали, неприятель бросился обходить «фотоаппарат». Потеряв уйму времени, он обошёл его с флангов, и тут же попал под огонь. «Фотоаппаратный» расчёт принял к хорошо спрятанным перископам и занимался своим главным делом: руководил огнём скрытых орудий. Вовсю огрызалась и башня, пока в половину расчётного темпа стрельбы из единственной предусмотренной пушки.

Противник увяз. Прорываясь весь день, до коротенькой тьмы летней ночи, едва рассвело он озлобленно ринулся снова. Похоже, мы правильно всё рассчитали: они увлечённо, старательно бились башкой о единственный столб.

Ближе к вечеру бой захлебнулся: противник устал. И когда на валившихся с ног атакующих ринулись сытые и отдохнувшие наши, итог был понятен. Противник не отступал, он спасался.

Наутро усталый, довольный пришёл командир:

– Молодцы! Ото всех вам спасибо! Блестяще! Вот только... вы слишком разнесли по фронту артиллерию: много «посылок» не долетало.

Я улыбнулся:

– А как ты думаешь, почему они не стали нас обходить? Они думали, что этот участок линии не единственный, а единственный недостроенный. Остальные как будто замаскированы, да так, что только снаряды летят неизвестно откуда.

Воспоминание третье: Ломать и строить

Прилетал вертолёт и оставил контейнер. Это была новая мастерская: сверлильный станок, два токарных и фрезерный, а инструментов вокруг верстака и в шкафах... и на сладкое – тельферы под потолком. Да в такой мастерской можно «с нуля» построить автомобиль! Не современный, конечно, но самобеглую коляску с ящичным карбюратором, лепестковым клапаном впуска и Т-образной камерой сгорания – запросто.

Это потом, для души, а пока я приступил к новому танку, и начал с трансмиссии: наш первый танк предназначен для ровной площадки и тарифованных асфальтовых въездов оборонительной линии, а наступать надо будет по неподготовленной местности.

Дня через три в мастерскую пришёл командир. Очень грустный. Сказал, что наш танк был захвачен. Обидно, однако логично: он был одним целым с «линией Маннергейма» и был предназначен только для обороны. И он в обороне чертовски хорош, победить когда он в обороне... Думаю, нужен противотанковый танк.

Новый танк получился как шведский: без башни и плоский как крокодил. Был ли он лучше чем старый? Смотря для чего: хороши были оба, но каждый по-своему. Первый был полностью выполнен из пятислойной фанеры, второй только спереди, всё остальное – трёхслойная; первый мог двигаться только по твёрдому грунту и поворачивал как тяжёлый бомбардировщик, а новый за счёт полного привода и поворота всех колёс-«кегрессов» крутился вокруг оси. И как старый был лучше в защите, так новый силён в нападении.

Жалко, когда ты сам должен испортить свою же работу, однако я сам сел за руль. Ибо кто как не я знал все слабые точки машины, которую сам же построил.

Сражение было недолгим: заставив противника съехать в канаву (где он моментально застрял), мы приблизились. Выстрел в упор проломил лист вдали от шпангоутов и повредил «механизм передач». Он был очень заумным, с обгонными муфтами, и починить его быстро – особенно если не знать как устроен – фантастика.

Танк обездвижен. Мы можем его обойти, атакуя, оставить в тылу и дожидаться, когда их танкисты покинут трофей.

Воспоминание четвёртое: Доктор по имени Рина

Я вернулся в свою мастерскую, попробовал что-то придумать, поделать. Не шло. А потом ещё засветло стало клонить меня в сон. Я подумал, усталость, но утром увидел предметы вокруг себя в сильном тумане. Приехали: температура.

Не думая сопротивляться, я сдался на милость опустошённому сну. А когда он отстал от меня, я увидел что доктор – не взрослый. Я даже чуть-чуть испугался: а вдруг заражу её? И засмутился, ведь Рина (Зовите меня Рина, как артистку Рину Зелёную) – самая красивая девочка в мире! Она ловко водила по мне стетоскопом, потом вдруг вскочила, задумалась, села обратно:

– Взрослые тебя, конечно, вылечат. Но для этого они тебя заберут, а ты с твоей техникой нужен. – Она деловито открыла мне рот «скажи а» – Моя мама – аптекарь. Всего пару дней, и ты будешь как новенький!

Я проболел две недели. Она не скормила мне разве что валокордин, а когда я закончил болеть,

– Ты всегда так долго болеешь? – спросила она.

– Да, – соврал я.

А честно – она ещё быстро меня подняла. Я как мог помогал ей, подсказывал, что из лекарств «не берёт» меня, а что «работает». Как оказалось, она назначала мне те же лекарства, причём до того как я их назову.

Симптоматические лекарства – плацебо, – с горящими глазами пояснила она, – Они убирают симптомы, ты думаешь что здоров, и справляешься с болячкой сам. Хорошее лекарство должно воздействовать на болезнь. Когда-нибудь я пойму, как действуют лекарства, и смогу назначать их ещё точнее. Может, даже удастся создать что-нибудь.

– Ты боялась что взрослые меня плохо вылечат? – спросил я.

Она вдруг серьёзно взглянула и как-то чуть медленнее чем всегда и чуть тише сказала:

– Боялась что вылечат и не вернут.

Воспоминание пятое: Противобронепоездный бронепоезд

Я как всегда проболел самое интересное: взрослые вдруг привезли нам с противником по два мотора с коробками от мотоцикла «Урал». Мастера неприятеля сделали два бронепоезда, это позволило им создавать превосходство на всём протяжении линии фронта, от самой реки до границы со взрослыми. Наши чуть-чуть запоздали, теперь приходилось расхлёбывать.

Долго не знали что строить: моторов-то два, и других не дадут. Танк типа «Маус» отпал, ведь при той же мощности двигателя поезд будет намного тяжелее чем танк (соответственно, больше брони, больше пушек, десант) и намного быстрее. Пароход... сделать можно, но они с бронепоездом могут не встретиться. Вот самолёт – это да! Налетел, сбросил бомбы – и на аэродром, на заправку.

Самолёт предложил наш Василий Васильич: сам крепкий, как будто Чкалов в детстве, серьёзный, и оттого представительный. А Василий Васильевич – настоящее имя и отчество (правда, не все сразу верят).

Принялись строить биплан: двухмоторный, с большим бомболоком... и вскорости поняли: этих моторов не хватит не то что взлететь с грузом бомб, а лететь по прямой без снижения!

Значит, остался один вариант. Бронепоезд. А это задачка, ведь танк, самолёт, пароход против бронепоезда – это танк-в-принципе, самолёт-в-принципе и пароход-в-принципе против бронепоезда-в-принципе. А вот бронепоезд против бронепоезда – это битва практически равных. Возникла идея построить поезд вокруг большой пневматической пушки на многоосной платформе как ТМ-1—180, объединённой с локомотивом (чтоб не тянуть далеко воздушную магистраль); спереди-сзади поставить по броневаягону и по платформе для танков.

Эскизы меня поразили, но... что-то никак не сходилось. Я, прежде чем строить, призвал всех ещё раз взглянуть на их поезд. В работе. В движении. Надо узнать о нём всё. Мы попросим военных заставить его показаться, и все ещё раз досконально осмотрим противника. Мне, кстати, их артиллерия неинтересна (такая же как и у нас), я хочу поезд видеть в движении: как разгоняется, как тормозит, максимальную скорость...

Зашёл командир:

– Пока не забыл дать совет. Вступите в бой – не стреляйте из главного калибра по штабному вагону: пока командир вне опасности, он не очень-то склонен выходить из боя.

Мы попросили ещё разок выманить поезд противника. «Надо так надо», сказал командир. Мы тайком подтянулись на линию фронта. Военные вышли в атаку, а мы, мастера, наблюдали. Первая группа ввязалась в локальную стычку с дозором противника, стала теснить. Неприятель вцепился в рубеж: даже после обхода по флангам, под страхом «котла» они знали, что поезд уже на подходе.

И он появился: под рокот «Урала» на нас надвигался тяжёлый (железный!) состав, будто взятый из фильма про первую мировую. В центре стоял бронелокомотив, перед ним был вагон с единственной на весь поезд командирской башенкой, над ней развевалось их знамя. За локомотивом был длинный вагон с широченными люками, явно с десантом. К нему и штабному прицеплены были короткие броневагоны с барбетами, из-за которых торчали цилиндры приземистых башен.

Как только их поезд проехал вторую военную группу, те побежали вперёд. Поезд затормозил, пролетев много больше чем я ожидал, и, отчаянно хрустнув редуктором, тронулся к ним. Разогнавшись до третьей ступени в коробке, он снова зажал тормоза, обороты мотора убавились до холостых. Наши ринулись ретироваться, убрались и мы.

Вот теперь мне понятно, что он оборудован штатной коробкой, обычным сцеплением и прямозубым – иначе бы так не хрустел при включении – реверс-редуктором. Плюс – не имеет привода от мотора никуда кроме ведущих колёс. Это надо обдумать.

Расставшись с военными, мы собрались в мастерской, и Василий Васильич сказал, обращаясь ко мне:

– Мы тебя почему дожидались? Подсунь им опять этого... Цзы?

Так вот чего нам не хватало! Какая-то пара штрихов, и идеи ребят заиграли! Забыв про часы, днём и ночью мы строили, будто ваяли шедевр. Подремав или наскоро перекусив – для того и другого нас Рина железной рукой отрывала от самого в этот момент интересного – мы возвращались творить. Как и в случае с линией, мы постигали всё сами: как гнётся металл, как устроен редуктор, как сделать пневматику... Наш бронепоезд учил нас, по мере учёбы меняясь и сам, становясь совершеннее с каждой внедрённой идеей.

И вот он построен. Когда мы сцепили всё вместе, он вдруг заиграл тем нечаянным шармом, каким обладает любая добротная вещь. Поезд прост и практичен: локомотив, два коротеньких броневагона, два танка. На локомотиве, вагонах и танках стоят идентичные башни, причём «пирамидкой», ведь броневагоны чуть выше прицепленных танков, а локомотив и без башни на крыше довольно высок.

Эти башни имеют массивный «затылок», как башни у танка КВ. Он не очень-то нужен ни танкам ни башням на броневагонах, но в башне на локомотиве в нём прячется ствол пневматической пушки. На вид он такой как другие: того же калибра, короткий и с толстыми стенками; львиная доля ствола внутри башни, с упором в «затылок». Снаряд подаёт вверх-назад механизм, по бокам от ствола два расходных баллона – вся башня там занята пушкой, расчёт расположен под ней.

Кстати, танки у поезда не на платформах, на встроенных роликах. Так они могут быть броневагонами, бронедрезинами, и, убрав ролики – танками.

Чтобы соперники встретились, нужно к путям неприятеля быстро построить свои, и второй наш мотор установлен на путеукладчик.

Воспоминание шестое: Последняя битва первой войны

Весь вечер ребята ставили вешки, отмечая, куда не добьёт артиллерия бронепоезда. Ночью противник, не будь дураком, переставил их на максимально удобную артиллеристам дистанцию. Вай, молодца!

Ещё затемно я под защитой пехоты довёл путь до вешек и дальше повёл его прямо по ним, параллельно путям неприятеля. Вскоре я был обнаружен. Противник попробовал было напасть, но ребята его отогнали.

Я действовал быстро как мог, надвигая всё новые звенья, равняя, крепя их и снова включая укладочный кран.

Бронепоезд врага появился оттуда, откуда шёл я: для того чтоб вернуться, придётся идти под огнём, разойтись с ним на встречных. Он бешено нёсся ко мне. Уже издали пушка на ближней ко мне оружейной платформе «вела» мой укладчик, вонзившись в меня немигающим взглядом. Пушкарь не стрелял: не желая палить наобум, он ждал верной, удобной дистанции, где каждый выстрел не просто мне в борт, а едва не по нужной заклёпке. Я дёрнулся было назад, но пути далеко уже шли параллельно, и он бы меня всё равно расстрелял до того как пути уведут меня в тыл. Я вернулся: авось напоследок смонтирую парочку звеньев.

Противник откинул десантные люки, однако ребята открыли огонь по ним. Люки закрылись, но оба орудия чуть не в упор стали бить по укладчику.

Я уложил звеньев пять или шесть, когда с хрустом и скрежетом мой механизм накрепился. Как был, с неуклюже торчащими спереди рельсами, я покатился назад. Неприятель пошёл параллельно со мной, добивая колёса. В какой-то момент мой укладчик поднялся и с грохотом ухнул с путей. По инерции рельсы посыпались сзади, устроив завал; от удара включился укладочный кран, надвигая ещё одну секцию. Шпалы уткнулись друг в дружку и стали враспор.

Дело сделано. Я отстегнулся, добавил «газку» и покинул кабину. Едва не скользя по укладчику, затормозил бронепоезд: противник так занят был мной, что его не заметил! Я соединил магистрали укладчика и бронепоезда, дав ему мощность второго мотора. Над «бруствером» из путеукладчика и вертикально наваленных рельсовых секций торчали лишь башни.

Дуэль пушкарей была долгой. Противник попробовал снова отправить десант, но два танка, которые спешили сразу же по остановке, не дали им этого сделать. Удар за ударом воздушная пушка вминала барбеты на броневгонах, пока на одном тот не вклинился в башню, заклинив её поворот. А когда неприятель поехал, спасаясь, уже не ворочались обе. От «палок в колёса» из всех наших пушек, летевших в одну «несчастливую» ось, задний броневгон загремел и затрясся по шпалам. Сжигая сцепление, локомотив оттащил поезд в мёртвую зону.

Вдали показался второй бронепоезд противника. Наш так уверенно двинул навстречу, что тот резко затормозил и отъехал. На этом война завершилась.

Прошло всего несколько дней, появились вдруг взрослые и отвезли нас обратно.

Воспоминание седьмое: Мы снова будем тут!

Когда нас стали взвешивать, рост измерять, подошёл командир неприятеля. Просто сказал нам:

– Давайте дружить: говорят, плохой мир лучше доброй ссоры...

Едиными мы уже точно не будем, теперь мы как два государства, а странам всегда лучше договориться о мире, чем воевать. Это поняли все и давно, и у каждого были задумки на сей счёт. Сразу решили вопрос о границе: решили её для удобства чертить по прямой от реки, поделив территорию напополам; принялись разрабатывать «международные» и приграничные правила. Мне это было неинтересно.

Ещё предложили придумать себе города, и, естественно, я был среди «архитекторов». Позже, когда вышел врач и сказал «заходите, кто смелый», я тотчас же был у него. Я был первым, и не потому что я смелый, а просто механик сейчас там не нужен.

Обследование, как и в начале каникул, было невероятно тщательным. Я узнавал все приборы: рентген, кардиограф... о, это тот самый прибор, измеряющий силу ума! Интересно, как я поумнел?

Воспоминание единственное: Артек

Как быстро кончается лето! Вот, кажется, только недавно приехали, и вот уже скоро нам в школу. Зарница и встреча рассвета, костры и походы, трава до небес, шум прибоя промчались, даря убеждение: лучшего лета и быть не могло! Это счастье – всё лето в Артеке! Теперь я смакую последние дни и стараюсь не думать, что скоро придётся прощаться. Пусть и не навсегда. До следующего лета!

Перед отправкой в Артек ребята договорились о правилах «иностранных дел». Обо всех говорить мы не будем, ведь многие правила не соблюдались почти никогда, были изменены, переписаны или предложены позже, и только свод «правил границы» дошёл до последних дней Эксперимента в своей изначальной редакции. Вот она:

1. С каждой стороны от границы должны быть отмерены десяти- и стометровая зоны.
2. Если один человек зашёл за стометровую линию или больше минуты провёл за границей, то страна, в которую он вошёл, вправе вернуть его или не возвращать по своему усмотрению.
3. Если двое или больше зашли за границу и успели уйти в течение минуты, это пограничный инцидент, решать который следует в дипломатическом порядке.
4. Если они не успели уйти или зашли за десятиметровую линию, пограничники должны их схватить или выгнать силой оружия и остановиться не переходя границы, пленные и трофеи – законная добыча пограничников.
5. Если же двое и более зашли за сто метров – это война, вероломное нападение, и на время войны границы нет и пограничные правила не действуют.

Первый «виток»

Газ до отказа, а там поглядим!

На исходе июнь. Это мирное лето намного приятнее прошлого, и недоверие медленно сходит. Сегодня я встретил ребят на границе: о них пограничники договорились вчера или позавчера, и сегодня впустили. Вражды давно нет, и хотя прошлым летом мы ставили этот кордон на исходе войны, он, похоже, со временем станет условным. Как между районами и областями.

Ребята – механики, вот потому-то и встретил их я. Как коллега. Они принесли с собой папку с горой чертежей, я показывал наши системы «в железе», и мы понимали друг друга без слов, без вопросов, ведь в произведениях можно прочесть душу мастера. Что-то у нас было лучше, а что-то у них, но бывало – идея у них была верной, и чуть бы её доработать... Мы так увлеклись, что скакали по бойлерной, по щитовой, по подсобкам до самого вечера.

Спать улеглись у меня на квартире. Они оценили: у них спальни общие (корпус для мальчиков, корпус для девочек), как тут гостей принимать? В остальном – общепит, ателье... Города мы не только похоже поставили, но и задумали очень похоже: оба стоят у реки, оба «в дальнем углу» от противника, оба в основе своей – мастерские, склады и заводы, всё то что противник не должен суметь захватить, не пройдя с боем всю территорию. Дело всё в том что снабжают нас взрослые всем и в достатке, пока мы на наших заводах и фабриках всё «производим»: захватит противник завод – и не будет поставок того что он «делал».

Когда нам предложили придумать себе города – на исходе прошедшего лета, которое мы без конца воевали – о мире мы думали мало. Мы думали очень похоже, поэтому и города отличаются только нюансами. Вот, например, планировка: жилое крыло нашего города сделано «солнышком» из магазинов, столовой, клуба-кинотеатра и трёх трёхподъездных домов, как лучи расходящихся в лес. В стороне от него громоздятся цеха, мастерские и доки. Из окон домов их не видно: устав на работе, кому же захочется видеть свой цех из окна своей спальни?

Ребята уснули, а я как всегда «полуночничал»: я не могу уснуть рано. Читал. С упоением. В комнате спали, а я, угнездившись на кухне, читал и читал. За окном уже был непроглядный полуночный войлок, когда я дошёл до последней страницы.

Прочтённое надо обдумать. Я встал и открыл холодильник: хлебнуть минералки; шелчок уплотнителей резко качнул тишину. Холодильник в работе бесшумен: по всем холодильникам дома фреон прогоняет единый насос. Может, сложно, зато и в квартирах всегда тишина, и тепло от конденсора можно направить – мы это придумали позже, буквально на днях – в батарее, в сушилку... И плюс интересная схема: похоже, никто так не делал!

Я взял минералку с собой и поднялся на крышу. На лифте. На крышу у нас лифт один: когда мы «сочиняли» себе города, я хотел, чтоб на крышах домов были клумбы и там было можно гулять, загорать; можно было оформить все крыши по-разному: палуба от теплохода, лужайка... Решили – не надо. Однако один лифт на крышу я всё же «продлил». Для себя. А теперь кто на крыше цветочки разводит, кто ходит сюда загорать... Крыш-то много, а лифт на одной.

Я прошёл к парапету у «будки» конденсора, облокотился и стал размышлять. Загудел вентилятор, послав в мою сторону тёплый, уютный поток.

Возвратился Василий Васильич. Он вышел под уличный свет по тропинке, ведущей к теплице и грядкам; фонарик в руке бил устало куда-то под самые ноги. В ночной тишине прозвенела пружина и хлопнула дверь в подъезд, через пару минут загорелось окно. Самый верхний этаж, как и в «мире со взрослыми».

Учимся мы в одном классе: мы дружим с Васильичем с детского сада, теперь – перед этим приездом сюда – мы пошли в одну школу, но странно, что мы за всю зиму ни разу не вспомнили прошлое лето.

Однако пора: надо спать, ибо каждое утро заместо зарядки у нас тут учения. Нам командир ставит вводные: там нападение, там переход... но зато мы теперь и спросонья способны задумать манёвр и не мешкая осуществить.

Я лежал под окном в ожидании сна, вспоминая бездонное звёздное небо, усталого друга, и думал, что надо построить ему прямо там, посреди огородов, простой щитовой дачный домик. Самим. И построить не только затем чтоб Васильич вздремнул, когда сил уже нету дойти до квартиры. Построить затем чтобы он или кто-то ещё мог на вечер, на день позабыть этот город, уйти, убежать от привычного. Чтобы хоть кто-то, проснувшись и выйдя во двор, увидел над собой эти звёзды.

Уже засыпая, летя как в перину в белёсый небесный гамак, я опять ощутил за окном Млечный Путь: он смотрел испытующе, строго, придиричиво, словно решая, позвать или нет. Не зови меня, Космос. Не надо дразнить: путь к тебе мне заказан.

С утра вместо вводной вдруг: «Всем... Собираемся в клубе... ребята с Участка-1, тоже будьте...»

На сцене был военачальник «с той стороны», он был очень взволнован. «Ребята, – сказал он, – На нас нападают... Приходят оттуда, где раньше была граница со взрослыми: с обратной стороны от вас, то есть сразу за городом... Организованной армии, похоже, у них нет, больше ничего не знаем. Ни территории не знаем, ни численности. Всем нашим надо собраться у нас, а вы... кто предупреждён, тот, говорят, вооружён.»

И они удалились, оставив нас думать над тем что подстроили взрослые. Стало быть, мы беззащитны на двух направлениях: здесь, где наш город прижался к границе со взрослыми, и параллельно реке: на Участке-1 не до нас, а на том берегу мы заранее всё разглядим и атака не будет внезапной.

На сцену взлетел наш знаток математики, Нортон. Прилипло к нему это имя, когда он рассказывал о переписке папиного института с американцем Питером Нотроном: отец обсуждал с ним почти все идеи. У них, математиков, странно устроена думалка:

– Странно, – сказал он, – Они не пристроили два новых участка с обеих сторон от нас. Этим они исключили набор вариантов... Короче: единственный вывод тут в том, что с нашей стороны взрослым что-то мешает.

Я вспомнил свои наблюдения: шум автомобиля в ночи, а однажды – гудок, будто не открывают шлагбаум; порой слышен запах кузнечного горна... похоже, у взрослых там техтерритория, и очень близко.

На сцену взошёл командир, постоял у стоящей там классной доски с нарисованной ранее картой:

– Так. Если ты прав, мы должны будем сделать один-два поста у воды и прикрыть ту границу со взрослыми, что параллельна реке.

Потекли предложения как это сделать, и каждое мы обсудили: рвануть сгоряча по неверной дороге нам дорого встанет. Так, нам удалось отказаться от вроде бы здравых идей разделиться нам всем на военных, несущих дозорную службу, и мирных, которые заняты будут «на производстве». Как касты, как в Индии: воины-кшатрии, мудрецы-брахманы... Индия живёт так не одно тысячелетие, и при магараджах, и под англичанами, только у нас этой тысячи лет не предвидится. Нам надо резко развиться. Не имея возможности побеждать ни числом ни умением (уж воевать-то они будут лучше чем мы), мы имеем единственный шанс: побеждать за счёт техники. Техника может помочь знать о себе и противнике больше чем знает противник, передвигаться быстрее противника и концентрировать силы лучше противника. Может. Но только тогда когда ею грамотно пользуются.

Выход, решили мы, в том, чтоб посменно дежурить как воины, а между сменами делать ту технику, что нам нужна. На дежурстве опробовать, а возвратившись – отбросить идею, оставить как есть или усовершенствовать. Быстро. Чем цикл постройки-проверки-отладки короче, тем лучше.

Мы сразу же стали рядить, кто за кем и кто с кем будет в смене. Ко мне подошёл командир, оттеснил меня к выходу, и произнёс:

– Говорят, «я бы с ним в разведку пошёл» или «не пошёл». Дослушай меня до конца, иначе обидишься. Я не возьму тебя в разведку. У меня достаточно и сильных, и ловких, и смелых. Сильнее тебя и ловчее. А мастеров как ты – мало. Такими как ты рисковать нам нельзя.

Постепенно мы все разошлись. Так случилось, что ближе к обеду я снова был в клубе, и клуб был практически полон: никто не созвал, мы пришли каждый сам по себе, будто все сговорились. Когда я вошёл, говорил командир:

– Они будут пока обороняться, обороняться от скорее всего разрозненных групп и одиночек. Это им дастся легко, но без наступления победить невозможно. Будет война за территорию, которую Участок-1 быстро выиграет. Затем неизбежно начнётся война на усмирение, а беда в том что усмирение благородства не знает. Когда они смогут напасть на нас, они уже не захотят воевать по старым правилам.

Нортон поднял руку как в школе:

– Я думаю, что территория, которую пристроили взрослые, минимум равна нашей первоначальной, то есть сумме территорий обоих участков; то же могу предположить и о числе играющих. Если интересно, могу привести аргументы... В свете этого – как ты считаешь, сколько у нас времени на подготовку при самом плохом раскладе?

– При самом плохом... – Командир долго думал, решал, потом выдохнул: – Самое быстрое – месяц. Но думаю, в этом году не успеют.

Противник, как мы ещё утром, уверен что тот кто сильнее тот умнее. Мы сделаем так чтоб они поздно поняли: наоборот, кто умней тот и сильный. Загвоздка во времени: надо успеть. И мы начали гонку со временем, даже не зная, насколько она будет трудной, ведь для того чтобы сделать хоть что-нибудь новое, нужно немало узнать. И не просто прочесть или вызубрить – надо понять. Как учёным на их исследовательской базе.

Точнее, на нашей «Базе научного исследования и создания новейших технологий», как мы вскоре стали себя называть, и название это за несколько дней сократилось до «Базы».

Мы бросились в омут познания и постепенно втянулись. Забросив всё то что нам задано было читать на каникулах, мы обратились к учебникам сразу на класс, на два старше. Подспорьем нам был Перельман и журналы; всё чаще мы были вынуждены читать специальную литературу, учебники ВУЗов... Потом вдруг один за другим мы почували вкус этих книг. Оказалось, гранит знаний вкуснее тянучих романов, приторных сентиментальных рассказов... Да что там – всего! Лишь научная книга являет вам ясную мысль, огранённую чёткостью слога.

Дежурства в «военные смены» давали отвлечься от книг, а учёба – от воинских дел. Как в «Правилах жизни» у Яна Коменского (надо же, я стал запоминать такие большие цитаты!): «Чтобы быть более работоспособным, дай себе иногда отдых или измени вид работы. Там, где напряжение не чередуется с отдыхом, там нет выносливости. Натянутый лук лопнет.»

Я был среди тех кто не мог «изменить вид работы» на день в приграничном дозоре, на ночь, каждый шорох которой мог значить вторжение. Я компенсировал это на стройке: мы строили домик среди огородов, Васильич прозвал это место «б соток».

Однажды там вышел такой разговор:

– Я сегодня в дозоре подумал... прижми мне рулетку... что вот наблюдаем мы тут за границей, а с той стороны за нами наблюдают взрослые.

– Это логично, – сказал командир, – Им надо приглядывать, чтобы с нами всерьёз ничего не случилось.

Васильич задумался. После того как прибил пару досок, он вдумчиво выпил воды и изрёк:

– Не хочу придирается к словам, но «приглядывать» и «наблюдать» – это разные смыслы.

В тот вечер, когда все ушли, я остался на стройке. Один в тишине подступающей ночи. Один в аромате бескрайнего леса и свежих, ещё не покрашенных досок. Один. Иногда это нужно.

Потом, уже зная зачем, я отправился в библиотеку, зарылся в таблицы и спецификации. Многого в них я не понял, но всё что мне нужно, похоже, нашёл.

В холодке поздней ночи погасшие окна домов были как мониторы, готовые вспыхнуть, как только на старт установят ракету. Над ними сиял Млечный Путь. Я невольно чуть-чуть задержался у входа в подъезд, оттянув на мгновение шаг из-под этого неба. Потом я лежал среди ночи, не мог ни заснуть ни подняться, зачем-то чертя перед мысленным взором на карте и нас, и соседей, и дальше... И вдруг я всё понял! Я ринулся в клуб, по пути зажигая все лампы, взобрался на сцену, взял мел и оставил там запись:

«От суши они ничего не пристроят! Им надо отслеживать всю глубину нашей территории, а для этого нужны станции наблюдения и на том берегу, и вплотную к границе со взрослыми с суши. Воткнуть там ещё одну детскую территорию просто технически некуда!»

Утром о клубе я как-то не вспомнил. Когда же под вечер зашёл туда, запись была. А над ней, обведённая трижды, ремарка «читайте не вслух». Я сначала обиделся, но разглядел на доске наспех стёртые фразы: ребята всё поняли и обсуждали находку бесшумно, стараясь не выдать её наблюдающим взрослым.

Границы фактически нет (охранять её бросили: враг не на ней) и теперь между Базой и «первыми» можно свободно ходить, выбирая участок себе по призванию. Мы никого не неволим и всех принимаем, ведь если не можешь, душа не лежит... нет, неправильно. Если ты можешь прожить не творя, не исследуя, толк от тебя как от базовца – ноль. А желаешь узнать, что не знает никто во всём мире – ты наш.

Уже середина июля, а сколько задумок ещё впереди! Как же классно, решив наконец-то загвоздку, понять, что она открывает тебе россыпь новых! Мне в кайф заниматься весь день фантастически хитрой задачей, а ночью смотреть фантастически красочный сон.

И как жаль что нас меньше чем было в июне. Наверно, поэтому я прирастворился в своей мастерской: возвращаться домой стало грустно. Невыносим вид квартир, где вчера ещё были друзья, а теперь – никого.

Мы сегодня с Васильичем изображали дозор у реки: как бы спрятались с мощным биноклем и время от времени обзревали окрестность. Как будто бы ждали «морского» вторжения «первых», готовые бросить свой флот на врага из засады: пусть думают, что у нас уже есть этот флот. Пусть волнуются, ведь у «участка-1» флота нет, это точно. Естественно, мы с ним болтали: затеяли спор про архей. Со стороны это было, наверно, забавно: сидят у воды второклашки и спорят о классификации прокариот... Интересно, мы вспомним об этом зимой?

Подожёл командир, постоял в паре метров и тихо приблизился. Чтож, вот и он подошёл попрощаться. Не знаю как смог он держаться так долго: военный до мозга костей, из семьи офицера, воспитанный действовать, действовать смело, решительно, твёрдо, в последнее

время он даже и не возглавлял нас. И не потому что не смог, потому что пытаться командовать яркими исследователями ещё более бессмысленно чем пасти котов.

– Рассудите, – сказал командир, – Ничего не могу с собой поделаться, тянет заниматься историей. Не только историей войн и картами сражений. Но какой в этом прок для нас?

– Знаешь, – ответил Васильич, – Читал я, что Нобелевская премия не завещана математикам потому, что во времена Альфреда Нобеля эту науку считали далёкой от практики. Если тебе интересно, то действуй, а польза... никогда не знаешь, откуда придёт идея и какое она найдёт применение. И вообще, нет ничего практичней хорошей теории.

Я подтвердил: я уже убедился, что интересоваться надо всем и всегда. Самые лучшие идеи находятся там где не ждёшь. А идеи нужны даже мне, «железячнику»: я тут, как Пугачёва поёт, «занимаюсь на труде синхрофазотроном». До ускорителей дело пока не дошло, но в последнее время в Транслабе я занят постройкой всё более сложных исследовательских инструментов, ведь чтобы продвинуться в технике, мы обратились к наукам. И если для Нортонса весь инструмент это ручка с тетрадью, то многим уже перестало хватать арсенала их «школьно-домашнего» инструментария.

Да, заказать это можно и Техтерритории, но «заказать» в нашем случае значит послать им чертёж или схему. А с этим пока что беда: когда нужен кому-то прибор, объяснить для чего он, заказчик сумеет в два счёта, какие параметры нужно – тем более. Но рассказать как устроен и как его сделать... А Техтерритории изобретать за нас запрещено!

Изобретать я люблю, у меня получается. Зная об этом, ребята приходят ко мне в мастерскую. Берусь за любую работу, но прежде чем взяться, стараюсь понять, почему это сделано так. Не всегда понимаю, но чаще, поняв как работает это у взрослых, я делаю всё по-другому. Возможно, не так хорошо как у них, но... люблю чтобы в схеме была красота. Самому чтобы нравилось, как же иначе?

Мою мастерскую прозвали Транслабой, история тут такова: прошлым летом, когда мы проектировали город, я распланировал в нём хорошую мастерскую. Я очень хочу сам построить автомобиль, даже назвал её Транспортной. (Так получилось, что сызнова автомобиль я пока не построил, но переделал одну С-3Д в небольшой грузовик. Вскоре «грузовая инвалидка» дополнилась рампой, лебёдкой, стрелой... грузовик был один, а работ было много. Когда нам прислали ещё одну мотоколяску, то я первым делом избавился от неподходящего кузова: сделал её сочленённой, как «Кировец».) Я не припомню уж кто на вопрос «ты куда?» машинально ответил: «в транспортную лабораторию». Так появилась «Транслаба».

В Транслабе я понял вдруг то что бросалось всё лето в глаза, но никто не увидел. Чинил провод от утюга, и решив защитить его от истирания, стал пропускать провод через пружинку. И вот что подумал: мы развиваемся как по пружине, «витками», мы делаем шаг исходя из того что противник имеет всё то же что мы. Поясню на примере: как будто бы были у нас изначально с ним ружья. Кремнёвые. Изобрели мы тут ружья с затвором: нам кажется это несложным, когда уже сделали. Что помешает противнику сделать такой же несложный шажок? Подучили мы химию, металлургию, и сделали магазинную винтовку с бездымным порохом. Новый виток: против них с «трёхлинейками» нужен «Максим». На «Максима» придётся идти в наступление «Марком», его остановим мы «сорокапяткой», её не боится КВ... Так мы можем встречать войско хана Батыя без лат потому что «а вдруг у Батыя винтовки», однако с другой стороны и противник пока будет что-то копировать, мы уже сделаем новое. А вот улучшить готовую схему противник не сможет: не он конструировал.

От размышлений меня оторвал математик:

– Прости если вдруг отвлекаю. Ты мне как механик поможешь понять?

Он принёс с собой старую книгу: Судпромгиз, 1955 год. Имя автора мне ничего не сказало, однако название... «На „Орле“ в Цусиме!» «Орёл» же был одним из самых совершен-

ных броненосцев того времени! Если я должен прочесть как механик... Я с благоговением взял в руки книгу, нащупал закладку и нетерпеливо раскрыл.

– Я сейчас точно ко времени? Что-то ты грустный, – сказал математик.

– Сегодня прислали, и с ними письмо, мол использовать только такие.

Я показал ему на коробку новых патронов:

– Придётся оставить конструирование автомата. Патрон слишком слаб чтобы привести автоматику.

– Чтобы привести автоматику известного типа, – подумав, поправил меня математик.

Похоже, пора подвести итог этому здешнему лету, ведь в прошлое, первое здешнее, лето мы в августе были в Артеке. Я думаю, в этом году будет так же.

Участок-1 отказался сотрудничать с нами – похоже, граница закроется. Нас меньше сотни, и это, пожалуй, уже «утряслось»: за победами, воинской славой идти нужно было не к нам, а от нас. Между участками долго не прекращалось броуновское движение: кто-то приходил, кто-то уходил, кто-то возвращался от нас, кто-то к нам... Были ли «Штирлицы»? Был и от нас к ним разведчик, и, видимо, были от них, но у нас либо ты, бросив всё, уходил, либо, бросив весь мир ради знаний и экспериментов, ты мог быть лишь нашим.

За лето я много узнал, научился читать, понимать «специальные» книги, рассчитывать сложные детали и тут же вытачивать их на станках... и... я построил машину! Теперь можно просто дожидаться Артека.

Я день или два отдыхал, отсыпался за месяц, за весь этот славный прыжок к небесам, я читал то что задано было на лето, как вдруг... Со мною такое случается: дышишь всё, дышишь, а воздуха нет. Интересно, что здесь это было впервые: за прошлое лето, когда я валился под утро, счастливый от сделанных дел, от прочтённого, изобретённого за день – ни разу. Похоже, меня убивает рутина. И в школе, зимою, добьёт. Рина сбегала за стетоскопом, послушала. Мне стало лучше; она побыла со мной рядом, не раз прижимая ко мне стетоскоп, и лишь только потом отпустила.

Тогда я решил до последнего, до «переезда» в Артек «не сбавлять обороты»: успеть что успеется, пусть не доделаю, пусть даже только начну... как там у китайцев, «дорога в тысячу ли начинается с первого шага»? Пожалуй что шаг этот может дать путнику веру, что он одолеет весь путь.

Поработав в Транслабе за кульманом, я взял чертёж и отправился в библиотеку, порыться там в справочных материалах. Войдя, я увидел там доктора. Рина сидела над медицинским справочником, и (я не вдруг это понял!) ревела. Я даже не знал что мне делать. Обнять? Рассмешить?

Ах, как я хотел, чтобы это она волновалась как доктор! И только как доктор.

Наутро она собрала всех нас в клубе. Совсем не девчоночьей твёрдой походкой взошла на трибуну, заставив весь зал замереть от такой перемены. Она говорила негромко, но каждое слово металлом чеканило звон тишины: «Клянусь Гермесом-врачом, легендарным Асклепием, Гиппократом, Ибн-Синой, Парацельсом и всеми врачами, жившими раньше, живущими ныне и теми кто будет. Клянусь до конца своих дней совершенствоваться как доктор и употреблять все силы и всё искусство врача во благо и только во благо больных. Ни усталость, ни немощь, ни страх, ни болезнь не заставят меня отказаться от помощи людям.»

Сказав это, Рина немного растаяла, чуть улыбнулась и... пулей умчалась за дверь.

Едва не столкнувшись с ней, тихо вошли те ребята, с которыми месяц назад я рассматривал, сравнивал схемы:

– Возьмёте?

Конечно возьмём.

Я оставил ребятам квартиру, в которой почти не бывал: всё равно я давно уже спал то в Транслабе, то в домике «на шести сотках».

Наутро пришли Наблюдатели. Перед Артеком они снова дали карт-бланш, и мы заново спроектировали весь город. Так, дом стал единственным: все поместились. Он был нестандартно устроен: из каждой квартиры был выход наружу как через холл, так и через идущий вокруг дома балкон; лифт же был заменён эскалатором, чтобы никто не застрял.

А какие задуманы лаборатории!.. Мудрый Эйнштейн говорил о своих мысленных экспериментах как о лесах, которые после постройки здания можно убрать. Но для нас, получилось, леса оказались важнее возведённого дома, ведь с помощью них теперь можно построить намного более величественное сооружение: мы научились, мы поняли. Это важнее. Не знаю, что будет у «первых». У нас будет новый «виток»: нам так уже нравится.

Станционный почтмейстер

Раздобудь себе холм, чтобы видеть с него

Я часто говорю, мол «используя преимущество моего классического образования». Копирую фразу биолога Лоренца? Более чем вероятно: книги, определившие мой слог, были классикой. Иное читать на территории СТ (да и всего остального СССР) было опасно, а классику... классику кто запретит? Так, помнится, пели мы дифирамбы непогрешимым кремлёвским старпёрам – и тут же, на том же уроке читали, заучивали наизусть «Ворону и Лисицу»...

Итак, по порядку. Для коего расставим точки над *i* (так как «истина не в устах говорящего, но в ушах слушающего»): мой переход на Базу, моё оставление мира СТ, предательством не было: Штирлиц не предавал Германию, он изначально ей не служил.

Как я попал туда? Элементарно. И специально: на втором периоде, когда будущее СТ влипло в войнушку за Новые территории, а что будет Базой начало первый «виток», границы фактически не было. У них просто не было сил на охрану, а мы... мы начинали «виток».

Да и не сдерживали мы взаимной миграции: от нас уходили в надежде прославиться, ибо славу проще добыть на войне, а мы воевать как-то не собирались; нас покидали те, кто жаждал власти: для «витка» мы должны были стать «чокнутыми профессорами», которым никто не мешает творить. Убегали и те, кто не выдержал бешеных темпов, кто, просыпаясь в лаборатории от того, что замерли стримеры или встал робот, завернувший последнюю гайку, понял: это не для него. К нам приходили другие, кто жаждали знаний как воздуха; кто был готов опускаться на дно и карабкаться в горы.

В тот момент я решил, что «у них» должен быть Штирлиц: рано или поздно граница должна обрести осязаемость, это – закон. И тогда без агента «на той стороне» будет трудно.

В те дни собирались мы в клубе (Зал Стыка Наук – плод «витков»). Я вышел к трибуне, и всё изложил. Замечания были, однако идея понравилась; день или два – мы додумали каждую мелочь. Решать, кто пойдёт, не пришлось: и идея моя, да и я, как ты знаешь, умею настаивать.

Я уходил «в пустоту», в неизвестность. Задача была – ассимилироваться, быть по возможности ближе к технической связи. Перед отправкой я выучил схемы телеграфа Морзе и грозоотметчика Попова, чем, правда, не обогатил технический опыт противника. Удалось, между тем, настоять на строго определённом расстоянии между столбами. Не знаю зачем – радисты просили.

Короче, ассимилировался. Повоевал за Новые земли – воевал страстно, отчаянно. Не раз ловя себя на том что драка и ожидание вылазки становятся не менее важными, чем прочтённая вечером книга. Но – удержался: едва заварушка закончилась, я влился в группу, налаживающую связь. Основой мы считали развитую железнодорожную сеть: помимо прочего, станции были складами, а также почтовыми центрами; а линии связи, идущие вдоль полотна, легко и удобно обслуживать. Кстати, похвастаюсь: даже когда мы гуляли по их территории, почта работала и поезда шли по расписанию.

Я выбрал службу не в центре: боялся рутины, Макс Отто фон Печкин ни в коем случае не мог, как пели «Земляне», «врасти в будни». «На точке» ж почтмейстер там – это не Печкин. Почтмейстер на железнодорожной станции есть интендант и диспетчер, обходчик и стрелочник; он кладовщик и хранитель всей станции, он же кассир. Он встречает каждый поезд, обменивается почтой, сдаёт-принимает вагоны, «на нём» телеграф и, конечно – доставка. То есть «плюс Печкин». Помножьте всё это на некоторую уединённость, и вы получите требование высочайшего самоконтроля!

Тогда и не раньше открылась возможность работать. Но выйти на связь при том что я давно уже был на связи – задача была нерешаемой! По-нашему скажем, была интересной, ведь сложности были такого же рода, что и в «проблеме SETI»: связь односторонняя, договор с абонентом технически невозможен. А уж с принимающей стороны это и вовсе напоминало поиск сигналов из Космоса: регистрировать «белый шум» и пытаться найти в нём хоть что-то разумное. Разница в том, что от нас доносилась куча разумного «хлама». Перебрав множество вариантов, я остановился на, пожалуй, самом изящном: цитировал классику. В своей станционной библиотеке я собрал все произведения, входящие в школьную программу, а также рекомендованные школьникам на дом. Надеюсь, и небезосновательно, что на Базе библиотеки обширнее и что эти произведения там точно есть, я принялся сыпать цитатами – то намекая («не помню страницы») на некую цифру; то на следующую, на предыдущую фразы. Мои многочисленные «внутриэстэшные» абоненты и не подозревали, что рифмы из цифр, парадоксы цитат адресованы в том числе Базе.

Впрочем... впрочем, у базовцев и без меня было достаточно данных: практически всё что передавалось по телеграфу и радио, передавалось открытым текстом; то же что шифровалось, имело стандартную «шапку» гигантских размеров. Причём, смею заметить, эту бякость не я им подстроил – и ведь догадались...

Границу они перекрыли, что было естественно: каждый участок имеет забор. Но от нас к ним никто не пришёл, ибо База уже была Базой.

И их пограничная стража как факт защитила не их, а противника. Стало быть – нас. Дело в том, что попытки пробраться к нам были, и были нередки. Пусть цель их была не пробраться, а выбраться, нам они были опасны: любой, кто пришёл бы, потребовал массу внимания. Это в процессе «витка» непременно бы «сбило дыхание» многим.

А выбраться люди хотели. Особенно те кто не стал победителем.

«Первые», став в этих войнах сплочённые, поняли: шанс и возможность создать государство – на энтузиазме, едином порыве, ещё не распавшимся в мелкие струйки – победа даёт идеальный! И с мощью творцов, не боящихся делать ошибки, они сотворили своё государство.

Творец не боится ошибок, он знает: они неизбежны. Гарантия от ошибок исчерпывается двумя случаями: если имеется опыт (твой или чей-то), и если ты что-то построил, увидел ошибки, и теперь уже можешь отлаживать. Всё без ошибок и с первого раза – фантастика.

В общем, ребята взялись, и у них получилось. Их новое общество было пусть несколько странным, однако логичным: полная государственная собственность, тотальный военно-ориентированный план – как и в Союзе; но – чёткая кастовая система: все, бывшие в первом периоде, «высшая каста», а кто завоёван – рабы (я старался уйти от последнего слова, однако оно и лишь только оно будет точным).

Но так было лишь до второй войны с Базой. Потом упомянутое положение дел сохранилось (сохранялось!) только в сознании Наблюдателей. Разгром многочисленной, боеспособной и мотивированной армии был тем толчком, с которым пришло осознание: мы здесь не вечно!

И дело не столько в разгроме. Так, все мы знаем о крахе Великой Армады, но краха фактически не было. Мало того: через год или два англичане послали к Испании флот покрупнее Армады, и он потерпел поражение. Мы помним Армаду лишь потому, что испанцы трубили о ней, пугали Армадой, грозили «еретикам» неминуемой карой на копьях невиданного десанта! Великий крах ужаса – вот поражение Армады. Великий и ужасный Таракан, державший в страхе слонов-крокодилов, был запросто слопан простым воробьём!

Казалось бы: три периода непрекращающихся войн (первый – СТ против Базы; второй – захват Новых территорий, и третий – их усмирение), в двух из которых воевали все кто «не База» – вот идеальные условия для создания армии! Армии, где каждый готов к труд-

ностям боевого похода, к яростным битвам... Что могла противопоставить им кучка «ботаников»?

К тому же им было за что драться: одним за контроль надо всей предложенной территорией, другим – за свободу. Не за нашу, естественно, и не от нас: «старики» обещали им, что, если мы будем повержены, то безоговорочно займём их место. Им же вернут свободу и что-то из территорий... причины не верить им не было: каждый пацан в наше время считал враньё трусостью.

Но... «не сложилось». Насколько ты знаешь, мы «раскатали» их в считанные минуты. Расчёт на технику был безошибочным: да, один римский легионер в два счёта разделяется с тремя операторами, но дай им штурмкатор – хотя бы раздолбанный древний «Стрелоид» – и легион будет мёртв раньше, чем кто-то почует опасность!

Потом боевые действия шли по сценарию Базы: мы «жили» на их территории; линия фронта была явлением редким, локальным, сравнительно кратковременным... и безусловно диктуемым нами. Противник не мог быть в тылу по причине отсутствия тыла: мы были и били на всей территории. И ладно бы группы по двое разведчиков – танковые колонны вдруг разносили важнейший тыловой объект... и тотчас же растворялись. Но это не главное: нами был выпущен комплекс «жучков». Дальнейшие боевые действия, продолжив тестировать гибкость противника, стали прикрытием их монтажа, а стадо баранов, лишённое связи, цели и целостности, весьма помогло нам тестировать схему.

Потом я вернулся. Не в этом периоде: я ещё верил в СТ, почти два периода верил. Однако они прекратили развитие: поняв, что Базу догнать не получится, и не пытались. В итоге – погрязли в рутине. Даже если бы мы не поставили датчики, то разве полезен был специалист, вросший в будни, с потухшим взглядом?! Надо мной всё отчётливей нависал дамоклов меч деградации. И я ушёл – ушёл от рутины, бежал от традиций, становящихся смыслом в бессмысленной остановке догоняющего; вернулся туда, где, обогнав, помешаны на дальнейшем разгоне, туда, где правят кайзен и цейтнот.

Как я это сделал? Да очень просто: однажды послали меня на границу (пустынное дело как повод немного развеяться). А у военных было тогда развлечение: пересечь Жёлтую Линию и, отскочив, глядеть, как вспыхивают сигнальные маяки, а из динамиков доносятся предупреждения. Особенно впечатляли табло, на которых мерцали гигантские цифры – время до начала атаки.

Так вот: поспорив «по глупости», что добегу до Красной Линии и возвращусь, пока табло ещё не погаснут, я рванул вглубь базовской территории. Сто метров туда, сто метров обратно... а наши, естественно, ждали. Всё было разыграно как по нотам, не хуже «мёртвого города»! Едва я коснулся рубиновой лазерной вязи, как над деревьями тихой сверкающей тенью возник планалёт. Я замер – я не играл, я действительно замер – я был восхищён, удивлён и подавлен. Одновременно! Я знал о возможностях Базы, о любви к нетрадиционным решениям, но чтобы такое... Пропеллер, зажатый в кольцо диффузора, кольцом опоясал моторную ступицу.

Секунды – несколько секунд, пока я был в ступоре – и аппарат, зависнув, напрочь отрезал меня от «своих». Пожалуй, я мог убежать. «Рвануть» – и пилот пропустил бы. Однако...

Зная что выгляжу идиотом, я то шёл к машине, то вдруг оборачивался, глядел на бегущее время; то, как во сне, метался то вправо, то влево...

И тут время кончилось. Вечность горело «0:01», гигантская пауза...

НОЛЬ. Сам не зная зачем, я сел на землю.

Планалёт издал вой трансформатора... нет, скорее предсмертный рёв репродуктора, по ошибке включённого в «двести двадцать». Я как был, так и замер, но на сей раз замер намерено. Стараясь не шевелиться, я машинально напрягся – напрягся так, что мгновенно

вспотел – но продолжал сидеть, как вспотевшая статуя. Вскоре подъехало УБШ с модулем-«БМПшкой», вышли десантники, взяли «статую» да погрузили...

В итоге я здесь. Вскоре СТ попросили Базу вернуть меня. База ответила, мол, самим нужен. И мы им не врали: исследователь – невероятная штука. Ты можешь сманить его из автомобилей в авиацию, из астрономии в атом – откуда угодно и куда угодно – и он там раскроется. Лишь не мешай.

Почему я ушёл вместе с Базой? Во-первых, оставшимся там, на Земле, я был просто известен. Они б меня приняли, но... продолжать их обманывать я бы не смог. И пожалуй что это во-первых, а то что известен – не важно: ребятам пришлось вспоминать своё детство, кромсая щемящие, милые сны. Наблюдать это помня и зная, глядеть как счастливый «Артек» у кого-то сменяется фактом, я просто не мог.

Я укрылся на Базе... слегка отдышаться: потом всё равно ведь приду, чтобы вместе с СТ возратить в мир классическое разностороннее образование.

Используя его преимущество.

Однако с почтмейстером мы забежали вперёд. Вернёмся в каникулы 82-го. Именно так, командир не ошибся: Участок-1 смог напасть лишь в четвёртое лето, истратив июль 80-го и каникулы 81-го на подготовку: захват территории «Новых» прошёл «на ура», победители стали готовиться выступить против давнишних врагов, но как только они собирали войска у границы, в тылу начинались волнения. Им приходилось опять идти в тыл, подавлять побеждённых... В какой-то момент они стали воинственных, крепких парней рекрутировать. Дать только что покорённым оружие было опасно, однако казарма с её круглосуточной жёсткой слепой дисциплиной дала первоклассную армию. Частые учения, в том числе возле границы, должны были сбить с толку разведку соседей. И в нужный момент они вышли в атаку на спящих «ботаников».

Финал под it's the final

*А когда наконец-то вернулся домой,
он свой старенький тир обходил стороной*

Офицер не глядя закинул пакеты в стол. Лишь пересчитал и проверил, все ли ему. Почтальон не спешил: в его сумке уже было пусто, спешить было некуда.

Рядом в казарме гремело отбоем: скрипели кровати, носились, пыхтя, топоча сапогами, солдаты. Гремели команды сержанта: «Подъём! Отбой! Подъём! От... ставить, куда побежали?! Отбой!»...

Почтальон посмотрел на часы.

– Ого, 45 секунд! Это всё сложить и застегнуть китель?

– Застегнуть? Да ты что? Одежда складывается так, чтоб даже ночью в ней не запутаться. Вообще нужен быстрый подъём: подняться, одеться и вооружиться надо на ощупь, и чем быстрее, тем меньше шансов, что встретишь врага в трусманях!

Из дневника офицера: «Если солдат каждую минуту своей солдатской жизни не занят, он думает о целесообразности приказов. А должен исполнять – безрассудно, как робот. Беспрекословно. Для этого роту „с рук на руки“ передают три сержанта. А офицер для солдат – небожитель, к которому даже сержант обращается, вытянувшись в струнку.»

– Отбой! Десять секунд на скрипы!..

Солдат провалился в пустой от усталости сон, на мгновение успев окунуться в блаженство.

Механик взглянул на часы, покрутил в пальцах новый, ещё не остывший толкатель: «До утренней „чёртовой трассы“, условного вторжения, времени... а ведь успею!»

Уже крепко за полночь он отложил гайковёрт. На машине, в клапанном механизме мотора, теперь стоят новые «штанги» -толкатели: материал их подобран так, что тепловой зазор всегда минимален. Механик, довольный как слон, завалился в кровать, и, блаженно вдохнув аромат гаража, «отключился».

Звонит телефон. Офицер отвечает. «Готовьтесь принять телеграмму» – «Готовы». Из аппарата полезла бумажная лента. Один из сержантов, связист, прочитав эти точки-тире, объявил: «Всем немедленно вскрыть зелёные пакеты». Офицер разорвал изумрудно-зелёный конверт, над его содержимым склонились сержанты.

– Отбой! Десять секунд на скрипы!..

Солдат провалился в пустой от усталости сон, на мгновение успев окунуться в блаженство.

– Подъём!!!

Свет в глаза не оставил сомнения: сон завершён. Одеваясь, солдат увидал, как сержант-оружейник открыл «пирамиду»: опять с полной выкладкой, чё-ёрт!...

«Вариант 19, неравномерность 0,3 нормы». Экран ЭВМ замигал.

Оператор поднял одновременно, планкой, ключи на панели селектора:

– Всем! Вариант 19. Вероятность ноль-восемь – ноль-девять.

Система сработала. Что-то, одна из систем, да должно было точно сработать: принцип любой сложной схемы гласит: дублируй. Сработал «контроль по вольтметрам»: «друзья» Наблюдатели сами нам дали канал: разделились участки – а эти ребята оставили схему «электрики» (энергоснабжение через один трансформатор)! Достаточно тонкие датчики на всех трёх фазах – детектор скачков напряжения: зная свои, мы легко вычисляем чужие, с «участка 1».

Днём ловить эти лёгкие, чуть заметные скачки бесполезно, но на рассвете такая нагрузка в сети – это явно тревога с включением света в казармах. Почти что во всех или даже во всех.

«Всем! Вариант 19. Вероятность ноль-восемь – ноль-девять.»

«Вот ни себе, ни людям спать не дают» – пробурчал математик и принялся делать зарядку.

«Всем! Вариант 19. Вероятность ноль-восемь – ноль-девять.»

Механик спокойно собрался и вышел. Один из двух танков стоял на площадке: вчера он чуть-чуть переделал трансмиссию, утром хотел отогнать на стоянку. Мотор с отключаемой «помпой» прогрелся мгновенно. Машина, немного «дробя» по асфальту, идёт к точке сбора. Механик почти что лежит перед башней, но бронестекло во весь «лоб», от крыла до крыла и от крыши до «бампера», дарит прекрасный обзор.

На дорожке у дома стоит агроном, и механик, подъехав, толкнул створку люка:

– Такси на Дубровку заказывали?

– Шаго-ом!

Солдат пробежал ещё пару шагов. По инерции. И зашагал, а вернее – поплёлся: во рту было сухо, в боку нестерпимо кололо, в груди каждый вздох отдавался удушьем и болью. Едва отдышался:

– Бегом... отставить, бегом... отставить, ручки под мышки! Бегомма-арш!

Агроном досыпал, когда танк подкатил на позицию. Матовый, серо-зелёный, он был незаметен для беглого взгляда. Тем более утром. Тем более возле кустов. Тем не менее привод раскинул масксетку.

– Привет, две «совы»! – поднырнул под неё звездочёт, – Чем синхрониться будем?

Механик подумал о ритме грядущего боя, прикинул...

– А если... «Финальным отсчётом» слабо?

Звездочёт улыбнулся:

– Это который

«Садимся в ракету

Пока всем, пока!

Вернёмся ль к обеду —

Мы не знаем пока...»?

Инженер лично съехал с платформы на каждом из пяти танков. Последний, с вооружением в рубке – штабную машину – он сдал Командиру.

– Зря отказываешься. Последний раз предлагаю, – сказал Командир.

– Не-е! Эта машина – мишень. В сорок первом немцы в первую голову командирские танки и били.

Послышался топот, потом зычный голос сержанта:

– Шаго-ом! Взво-од, ср-но, равнениена... право!!!

Солдаты протопали, как на плацу, мимо танков, и их офицер отдал честь Командиру.

«Красивые танки», подумал солдат. Он впервые их видел, но абрис Т-34 (а у последнего – как у ИСУ) не оставил сомнения: «Мы победим! Ведь когда-то мы вторгнемся, вряд ли они нападут: мы готовы к войне и нас больше.»

Дневник офицера: «Перед сражением, случившимся в 1448 году, Янош Хуньяди послал султану Мураду Второму послание: „Султан, у нас нет столько людей, как у тебя, и хотя я имею их меньше, поистине знай то, что они добрые воины, стойкие, искренние и мужественные“. Мурад ответил ему: „Я предпочитаю иметь полный колчан обычных стрел, а не шесть или семь позолоченных“. Мурад победил.»

Под масксетью из термоса пился чаёк. Этот тёмный, некрепкий, но терпкий напиток бодрил, и его смаковали по капле. Секретный купаж или капелька сока лимона – не всё ли равно? Этот «фирменный» чай был и поводом к тихой беседе:

– А я так до конца и не привык к танку: всё порываюсь дёрнуть рычаг без сцепления...

– Да видел, «вскрытие» показало... слушь, а давай поменяемся: ты на Крупнокалиберном, я на Двустволке? Я там вместо синхронизаторов сделал фрикционы на пневматике.

– И как теперь управлять?

– Как и раньше: правая коробка «как обычно», левая «зеркально», зато сцепление – только когда трогаться.

«Шаго-ом!» Солдаты затопали реже. «Сержант!», подозвал офицер. И достаточно громко сказал: «Передайте солдатам, что пленные будут призваны вместо них. Приказ Командира.»

«Приказ объявить по всем ротам...» – вздохнул офицер. Как сын офицера он знал, что солдаты из Внешнего ждут пополнения, дабы по принципу «я был пинаем „дедами“, теперь попинаю и я» издеваться над теми, кто просто немного моложе.

Границу уже миновали. Ещё на бегу. Никого не встречая, прошли десять метров (согласно Конвенции, можно уйти: подадут ультиматум на первый-то раз, а за сотню – война...). В строю волновались: до них наконец-то «дошло». Оружейник, уже не таясь, заводил пулемёт: те патроны, что все получают из Внешнего, просто не сдвинут затвор, механизм «пулемёта» приводится мощной пружиной.

Едва заступили за «сотню» (за красную ленту у самой земли), застрочил пулемёт... нет, похоже что два пулемёта: один тарыхтел как обычно, второй бил короткими очередями с бешеным темпом: «Та-та-та-та-та...» – «Трм!», «Та-та-та-та-та...» – «Трм!»...

Авангард затоптался, запнулся.

Офицер с удовлетворением отметил, как строй изменил направление, обходя пулемёты, и как, подойдя к оружейнику, солдат отпер за его спиной ящик с лентой и перебрал её оружейнику через плечо. Не по Уставу, по логике боя.

На фланге движение: пара солдат... с автоматами?! Прежде чем лечь, автоматчик завёл... нет, он взвёл автомат: издеваясь, движением пальца!

Механик смотрел, как противник решает проблему: его авангард безнадежно залёг; остальные стоят как мишени, в строю, по десятку (десяток долдонов по имени «рота»). Его пулемёты – станковые, явно тяжёлые – могут стрелять и «с бедра», но поднять эту дуру к плечу... Пулемётчик один на десятку (при нём ещё двое «носильщиков»), у остальных – «винтари» со скользящим затвором...

Механик опять посмотрел на часы: «да когда же они догадаться? Восемь минут! Где же танки?»

И только сейчас за спиной нападающих, вызвав в колоннах восторг, появилась ударная сила.

– Знакомые формы, – ехидно послал он в эфир.

– А ты хотел танк Менделеева?

– Танк Менделеева – САУ, а танк... ну нельзя его так масштабировать! Нужно ведь...

Пальцы раскрыли блокнот.

– Торможу головной!

«Пушкарь-оператор» зажал рукоять, и гашетка под пальцем «просела». Ладони вспотели: большая возможность – большая ответственность, этим снарядом «промазать» нельзя! Он почти не дышал: в чёрно-белом экране он целил в каток, но попасть по броне не имел ни малейшего права. И сам не заметил, как...

Бусф!

Мгновением позже машину качнуло: пушка отъехала добрых полметра, и только потом начала замедляться. Откат-накат занял секунду, но в первый момент ничего не мешало откату: «лафетная схема», для кучности.

Танк наступал, возглавляя колонну. Наводчик высматривал цель, когда мощный удар саданул его лбом об орудие. Танк повернулся и замер.

– Гусеницу перебили, гады! – воскликнул механик-водитель, – Пойду, починю!

Прогремел открываемый люк...

– Ммм... Я обо что-то ударился: кровь... – вылезая, механик-водитель сказал ещё что-то, но из-за брони, через грохот мотора наводчик его не расслышал.

Солдаты попадали в траву. «Если тут ДОТ, это плохо», – услышал солдат, и подумал: «да вряд ли: их было бы несколько».

Танк надвигался на вставшего лидера. «Жуткий удар, разметающий катки... попал бы по корпусу – в танке никто бы не выжил!» Механик-водитель смотрел на корму кособоко стоящего лидера. Ехал в неё – и смотрел... Вдруг, опомнившись, дёрнул рычаг. Рычаг не поддался, отдав в руку дробью попавших «не в зуб» шестерёнок. Механик-водитель налёг, и со страшным ударом рычаг «провалился»: машина осталась без привода.

– Быстро орудия к бою! Пока эта пушка стреляет, мы все тут мишени!

Солдаты задвигались: кто отцеплял дышла пушек от «великов» -передков, кто бежал за снарядами... Вдруг люди замерли: там, у противника, взвыли моторы.

До первой строки была пара секунд. Астроном плавно выжал сцепление, свёл рычаги и толкнул их вперёд: «первая-первая», та же привычно-ружейная чёткость, но вместо «трик-трак» он услышал короткий отчётливый «шпок!».

We're leaving together...

Машины поехали. Разом.

«Каждый воин, знай свой манёвр!» – говорил Суворов. Но знать только свой в современном бою недостаточно. Бой вели базовцы так как привыкли работать: единой командой.

Атака была как в хоккее, где пас мог быть отдан и за спину – зная, где в этот момент был партнёр.

Командир наблюдал за развитием боя: влиять на него он не мог. Приступая к войне, он боялся «котла», проработал прорыв окружения... То, что он видел сейчас, было хуже: противник метался в таком неестественном темпе и так ювелирно разил, что войска были только статистами. Или мишенями – воля врага.

Сквозь щели своей командирской машины взирая на бой, он подумал: «как через забрало...». Так рыцарь сквозь щели забрала с холма наблюдает за гибелью кнехтов. И враг заставляет его наблюдать.

Командир ощутил, что в него теперь больше не целят. Ведь как полководец он был этим утром убит...

«Жизнь солдата состоит из долгих периодов скуки и коротких пери-о-дов...» – механик едва не ласкал рычаги, выбирая мгновение – «...Страха!!!»

Солдат машинально выбросил руки – наивный панический жест. Под ладонями замер, толкнув их кошачьим движением... танк? Он был страшно неправильным даже на ощупь: каким-то шершавым и тёплым. И кажется – мягким...

От удивления он открыл глаза. И удивился вдвойне: вся передняя часть, от крыла до крыла, оказалась прозрачной (как странно: вдали танк казался железным...). Внутри были двое: механик-водитель на левом сиденье и, «в позе Гагарина», кто-то на правом. «Гагарин» лежал ниже окон, и, судя по бликам, смотрел на экран. Небольшой рычажок в его пальцах сместился, и башня крутнулась. Орудия плюнули дымом, но – тихо! Ни грохота залпа, ни звона от гильз. Только звук, будто кто-то подставил под воздух пропеллер: короткое «тфр».

Наводчик отдал санитарке водителя: им повезло, что снаряд промахнулся. Механик-водитель был ранен: удар, оторвавший катки, вырывая их «с корнем», оставил торчать из-под полика кромки железа. Но в принципе всё обошлось.

И наводчик рванулся к машине, в каком-то бойцовском запале решившись стрелять из подбитого танка... Из борта, вскрывая его как консервы, посыпались искры: короткий удар просадил оба борта навывлет!

Солдат наблюдал, созерцал в невозможном паническом трансе, как шёл неприятель: продуманный танец немислимой логики, жуть красоты запредельной синхронности. Видимый хаос невиданной пользы.

За пультом сидел математик. Сейчас, наблюдая за битвой, он понял механика: он не считал вероятности разных событий, он видел весь бой как систему! И это – механик был прав – было кайфом. Он видел трансляцию с разных машин и с заранее спрятанных камер, радар, тепловизор... он чувствовал, что сейчас будет, и знал: это «чувство» от знания!

Вот неприятель утратил желание мыслить...

– Пронзаем на слове «Венера», – сказал математик.

В эфире, конечно, полнейший бардак: «We're heading for Venus», – гремит «Европа», «Махнём на Венеру», – поёт астроном, и на самом конце слова «Venus» взывают моторы... но самое тихое слово бывает услышано. Это – обычный «дурдом» библиотечного холла.

Солдат не стрелял. Раз за разом машины противника были на мушке, но выстрела не было: толку палить по броне...

Неприятель вдруг вышел из боя: сорвался и бросился в тыл наступающим. Все одновременно! Перед солдатами было куда наступать, но...

Но солдат опустился на землю и, глядя под ноги, сидел, заряжая винтовку. Толкнули. Солдат испугался, подумав, что это был танк, а потом побежал, атакуя, «откуда пришёл». «Ещё один такой день – и я на „Канатчиковой даче“»...

Противник крушил их обоз. Его танки вползали на велотележки, колёса машин втаптывали в землю мешки с провиантом, солдаты противника споро грузили патроны... Увидев бегущих, они издевательски, «с бедра», «веером» выпустили по «рожку», и, запрыгнув в машину, поехали.

Рядом заговорил пулемёт.

– Сади, не жалея патроны!..

Солдат повалился на землю, прижался к винтовке плечом. Выстрел... мимо: дыхание сбilo винтовку. Солдат передёрнул затвор и пальнул на задержке дыхания... и – не попал: в момент когда щёлкнул курок, в глазах потемнело. Оружие дёрнулось, и он судорожно, хрипло вдохнул.

Сержант авангарда всё понял: угроза «котла», выходить нужно в сторону тыла.

– Отходим! – командовал – Быстро! Быстрее же! В плен захотели?

– А нам, блин, привычно: у вас в плену мы уже были!

– Кто такой умный? – сержант оглянулся на голос.

По взглядам ребят и винтовок он понял, что зря любопытствует.

Над головами по «тенту» прошла пулемётная очередь. Снова лишь чуть поцарапав: внутри этот «тент» был мощнейшим листом композита. Ребята сидели в глубоких «ковшах» пристегнувшись; в ногах были ящики, взятые ими в обозе. Под полом неистово выла турбина, почти вхолостую срывая колёса в занос. Водитель закладывал новый вираж, пулемётным огнём торопя отступающих.

Вдруг перед носом возникла фигура: Непримирымый, они же Индейцы. Он, встав на колено, прицелился в область водителя. В непробиваемый триплекс! Он был слишком близко. Он, видимо, знал, что машина его не объедет. Надеялся прыгнуть под брюхо?

Водитель рванул рукоятку поддува. Турбина отчётливо всхлипнула, джигер подпрыгнул. Ребята, дождавшись удара подвески о грунт, распахнули «багажные» дверцы. Ведь зрелище этого стоило: Непримирымый сидел и как чокнутый пялился в небо. Водитель, уже не таясь, дал стандартный поддув; КВП, расширяя дугу, чуть бочком полетел на исходную.

– На, раздраконивай ленту...

Сержант отдышался.

– Обоймы пополнить. Патроны беречь.

Офицер в лазарете. Теперь, по Уставу, командует старший по званию: он, оружейник. Он знает, что надо добраться до склада: патроны уже на исходе, продуктов солдаты и так несут максимум на день. Он сверился с картой: до склада...

Индейцы возникли как лешие. «Нет того склада», сказали Индейцы.

Дневник офицера: «Подсумки пустеют: склады уничтожены. Мы экономим патроны, хотя неприятель стреляет без умолку. Хочется есть. Сухари на складах оставляют, но – только одни сухари. И немного. Мы делимся. Поровну. Патронами и сухарями.»

Геолог закончил стрельбу. Прикрывая историка, чуть задержался, по-прежнему глядя в прицел, как солдаты беспомощно ждут нападения.

Здесь дело сделано. Пользуясь ночью, он тихо отполз за опушку и прыгнул в машину. Неслышно поехали: мощный мотор был запущен как пневматический (вместо негромкого рыка – лишь шелест реактора Вальтера). Ожил экран: обновился рисунок ИК, получаемый «с воздуха». Через минуту мотор загудел, трёхколёска («бобслей» на трёх «дутиках») мощно ускорилась.

Он отключил тепловизор на шлеме, связался с механиком.

– Есть что-нибудь для меня?

– Информация по нашему «Ковпаку»: пехотный капитан.

– У них в сухопутных всего два капитана.

– Второго, пожалуй, отсеем: он реагирует на позывной.

– Так. Я за ним слежу: если после войны его недостаточно обласкают, значит он принят в «секретное Политбюро». Ergo sum.

На полученной карте отряд был по курсу. Машина свернула: ребята не взятые в армию, девочки – это не цель. Цель атаки (для них ещё три на сегодня) – склады и солдаты. Убить ожиданием боя и страхом потратить патроны. Заставить не спать, вынуждать на манёвр.

Офицер потерял счёт времени. Явно не день и не два он с ватагой надёжных ребят (что когда-то звалась батальоном, две роты) пытался хоть что-нибудь сделать. Как только они, прибежав на останки недавнего склада, валились в голодной усталости, рация вновь ожидала: мол, видели пару противников. Снова бегом, в цепь, прочёсывать – с остервенением, яростно, злобно, с единым желанием мести.

– А может, «влудить» по заводу?

Механик погладил ракету: завод «производит» патроны, и встань он – поставок не будет.

– И даже не думай, – ответ математика, – Пусть покоряют в три смены. Полезно.

Дневник офицера: «Патронов почти не осталось. В обоймах винтовок по паре, а пулемёт... пулемёт был оставлен: обуза.

В деревне единственный житель, девчушка (всего – пять домов: все три парня воюют (один – с Капитаном), одна из девчонок – сестра милосердия), вышла навстречу. Врага здесь не видели. Как и еды: по расходу должны подвозить на двоих, но...

Поделились мы с ней сухарями, и в кои-то веки (действительно, будто бы годы прошли!) натопили в оставшихся избах, и спали в тепле. Поутру... то, что было на завтрак, любой кто не голоден мог бы назвать только «щи из травы». Но с каким наслаждением ели мы это, и только хозяйка пугалась, когда чугунок с лёгким звоном отбрасывал пули...»

В землянке, едва освещённой единственной лампой, с утра уже был Командир. Над столом, над разложенной картой, склонились штабисты; сидел шифровальщик с блокнотом. На стенке висел телефон, а в углу, в «пирамиде», стоял пулемёт.

На часах поздний вечер, но штаб интенсивно работал: противник не ждал. Командир продолжал диктовать приказания, выглядел бодрым, однако усталость уже подступила. Казалось, что свет в глазах медленно-медленно гаснет... или не показалось?! Он может спокойно смотреть на спираль!

– Что со светом, электрик?

В ответ дверь слегка приоткрылась, и что-то влетело.

– Граната! Ложись!!!

Ослепительно яркая вспышка, и... жуткий грохочущий визг. Прилетевшее резало уши – до боли, реальной физической боли!

Сквозь яркие пятна в глазах он заметил, как кто-то орудует. Взяв пулемёт, он рванул рукоять и нажал на гашетку. Секунду оружие билось в руках, в абсолютном безмолвии сыпля куда-то в сияние, и – темнота. Темнота посреди угасающей боли.

Начкар шёл проверить посты. Не услышав положенный окрик, он щёлкнул затвором, и тихо позвал: «Часовой!». Часовой не ответил. От штаба послышался крик: говорящий, не слыша себя, говорил, тем не менее, ровно. Не так как в бою.

«Он контужен?!» Начкар побежал. Поднырнув под масксет, он едва не упал, зацепив часового. Солдатик лежал, и начкар испугался: забыв обо всём, он упал на колени и принялся щупать, в надежде и страхе готовясь почувствовать кровь. Вместо этого в пальцы лёг шприц – оперённый, как те, в зоопарке, для хищников...

Спал тот солдат. Не по собственной воле, но спал.

Чуть поодаль сидел Командир, обхватив свою голову; рядом лежал шифровальщик. Начкар добежал до землянки, вошёл. На столе и на полочках пусто: ни карт, ни таблиц шифровальщика...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.